

Взгляд Мэй Цзибая буравил его, и в голове Гу Цина не смолкал тревожный звон. Рядом с этим человеком нельзя было расслабляться ни на миг — любая оговорка могла стать роковой. Признаться в том, что он — это Юй Цзиньянь, Гу Цин не собирался. Смерть в той жизни должна была стать финальной точкой, освобождением для них обоих.

Глубоко вздохнув, он на ходу сочинил ложь:

— Да, мы были знакомы несколько лет. Хорошие приятели по переписке, он часто делился со мной наболевшим.

Мэй Цзибай пристально изучал его лицо, но не нашел ничего подозрительного. «Приятели по переписке»... Что ж, похоже на правду. Юй Цзиньянь никогда не был с ним до конца откровенен.

— Даже если так, — голос Мэй Цзибая оставался ровным, — наши с ним дела не касаются посторонних. Если не хочешь развода, придется подписать соглашение.

Он сменил тему, и Гу Цин, разумеется, не стал настаивать. Этот разговор послужил хорошим уроком: впредь нужно быть осмотрительнее.

Заметив, что муж собирается уходить, Гу Цин бросился вдогонку.

— Развод сразу после свадьбы? Ты шутишь?!

— Обуйся.

Гу Цин едва не поперхнулся от возмущения. Что ж, у кого власть, тот и заказывает музыку. Разводиться он не собирался, но и соглашаться на рабские условия не хотел. Если жить по этой бумажке, тюрьма покажется санаторием.

Он натянул туфли и замер в дверях гардеробной.

— Я понимаю, что совместная жизнь требует притирки, но я привык к свободе. Мне нужно время, я не могу измениться в один миг! Да, у тебя идеальный режим и манеры, но я-то другой! Взамен обещаю — к мотоциклам больше не прикаснусь.

Прежний владелец тела был фанатом кастомных байков, но Гу Цин в них ничего не смыслил, поэтому распродал коллекцию еще до свадьбы.

Мэй Цзибай, убирая часы в футляр, сухо уточнил:

— Значит, ты согласен подписать.

Гу Цина раздражала эта непоколебимая уверенность. Мэй Цзибай вел себя так, будто всё в мире шло строго по его плану. Хотя, надо признать, он чертовски хорош собой — каждое движение выверено, а голос обволакивает, как весенний ветерок.

— Подпишу, — сдался Гу Цин, — но пункты мы пересмотрим.

— Идет. Суть останется прежней, а на адаптацию у тебя месяц.

— С виду — воплощение мягкости, а на деле — тиран и помешанный на контроле сумасброд, — вполголоса проворчал Гу Цин.

— Ты что-то сказал?

— Ничего!

Изначально Гу Цин надеялся, что они разъедутся по своим домам и будут лишь изредка пересекаться на званых ужинах ради приличия. Но старшее поколение обеих семей проявило редкое единодушие: молодожены должны жить в старом поместье семьи Мэй. Все как один грезили о «любви после свадьбы» и чувствах, рожденных в повседневности.

Возразить было нечего, пришлось согласиться. Но полюбить Мэй Цзибая? Никогда.

Вечером, уже в постели, Гу Цин попытался было взбунтоваться против требования ставить тапочки идеально ровно, но под ледяным взглядом мужа сдался. Лежа на своей половине кровати в темноте, он еще долго перебирал в уме всевозможные ругательства, пока наконец не затих.

Его мучила бессонница. В прошлой жизни они с Мэй Цзибаем и обнимались, и целовались, но никогда не делили одну постель — даже вот так, без прикосновений.

Гу Цин ворочался, глядя в пустоту, и пытался сосредоточиться на делах семьи Юй. Постепенно мысли спутались, и он провалился в сон — тревожный, полный кошмаров.

Утром он проснулся ни свет ни заря. Мэй Цзибай обернулся, услышав шорох. Он уже был при полном параде, поправляя запонки на манжетах.

— Я хотел дать тебе поспать до семи, но раз уж встал — поднимайся. Утром идем на

мероприятие.

Гу Цин сладко зевнул и хмуро посмотрел на мужа. Того уже застегнули на все пуговицы, а у Гу Цина от недосыпа голова раскалывалась, и настроение было паршивым. Сползши с кровати, он побрел в сторону ванной.

— Всю ночь сны idiotские смотрел. Не пойду никуда, буду досыпать.

Прежде чем Гу Цин успел врезаться лбом в косяк, Мэй Цзибай вежливо, но твердо придержал его за плечо.

— В моей альма-матер сегодня столетний юбилей, и моё присутствие обязательно. Было бы странно, если бы мой супруг пропустил наш первый совместный выход в свет. Забыл условия соглашения? На людях мы — образцовая пара. Учитывая интересы наших семей, это твоя прямая обязанность.

Ладонь мужа обжигала кожу знакомым теплом. Он вздрогнул, резко сбросил руку Мэй Цзибая и нахмурился:

— С самого утра такая официальность... Bravo, Господин Мэй, ставлю вам высший балл за приверженность долгу.

Он злился. Мэй Цзибай внимательно наблюдал за ним. В янтарных глазах Гу Цина плясали искры, он выглядел живым и дерзким. На мгновение Мэй Цзибаю показалось, что перед ним — тот самый человек.

«Показалось... наверное».

Однако жест опередил мысль: он поднял руку и ласково взъерошил волосы Гу Цина. Волосы были жестковатыми, но на ощупь — удивительно приятными. Мэй Цзибай на секунду замер, затем отстранился и направился к выходу.

— Жду в столовой.

Когда дверь закрылась, Гу Цин ошарашенно захлопал глазами. Он коснулся макушки. Это еще что за нежности? Они не настолько близки, чтобы так запросто трепать его по голове!

Фыркнув, он пошел умываться, так и не заметив, что раздражение чудесным образом испарилось. К тому времени, как он вытер лицо полотенцем, голова окончательно прояснилась. Посмотрев в зеркало на уже привычное отражение, он вызывающе улыбнулся.

«Образцовая пара», значит? Ну-ну.

Он демонстративно повернул свою зубную щетку так, чтобы она стояла под тем же углом, что и щетка Мэй Цзибая. В глазах блеснул азарт. Раз дома его муштруют правилами, он отыграется на публике. Мэй Цзибай помешан на репутации и приличиях, а значит, он не посмеет осадить мужа при всех, что бы тот ни выкинул.

За завтраком собрались родители Мэй. Младший брат, Е Байцин, уже куда-то смылся — видимо, не желал видеть его и питал к нему явную неприязнь. Гу Цину было плевать на мальчишку; куда больше хлопот доставлял сидящий рядом тиран.

«Не скрещивай ноги. Расправь плечи. Не сутулься. Не говори с полным ртом. Пользуйся приборами бесшумно...» — к концу трапезы фальшивая улыбка на лице Гу Цина едва не треснула.

Мэй Цзибай поправлял его вкрадчиво и мягко, так что со стороны это выглядело как трогательная забота, но под одобряющим взглядом председателя Мэй Гуанци Гу Цин чувствовал себя как на раскаленных углях.

Когда они наконец вышли из дома, Мэй Гуанци довольно улыбнулся жене:

— А мальчишка-то изменился. Стал степеннее. И то, что он слушается Цзибая, — добрый знак. Глядишь, стерпится — слюбится.

Е Ваньжун изящно разгладила складку на платье. Лицо её оставалось бесстрастным.

— То, что он терпит сейчас, ещё не значит, что твой брак по расчету был хорошей идеей.

— Ошибка не всегда исправляется другой ошибкой, — парировал он.

— Посмотрим, — добродушно отозвался муж.

По дороге в университет Гу Цин молча смотрел в окно, обдумывая план мести. Мэй Цзибай, заметив озорной блеск в его глазах, лишь слегка улыбнулся. Предстоящее мероприятие обещало быть... нескучным.

Университет с вековой историей встретил их торжественным гулом. В главном зале собрался весь свет общества. Гу Цин послушно следовал за мужем, пропуская мимо ушей дежурные комплименты об их «идеальной совместимости». Ему хотелось крикнуть: «Раскройте глаза, вы льстите ему только из-за фамилии!»

Он скучающим взглядом обводил толпу, пока его взор не наткнулся на одного человека.

Внутри всё похолодело.

У Цимин. Тот самый подонок, который столкнул его вместе с Боссом с крыши.

У Цимин был выпускником этого вуза, и его присутствие здесь было вполне логичным. Увидев, как тот направляется к ним, Гу Цин инстинктивно напрягся, готовый к прыжку или удару.

Мэй Цзибай почувствовал эту внезапную перемену и слегка сжал плечо супруга.

— Это просто прием. Разволновался из-за толпы?

Гу Цин заставил себя улыбнуться, не глядя на мужа.

— Нет. Просто не выспался на новом месте, голова кругом.

Мэй Цзибай не стал разоблачать эту слабую ложь и вежливо пожал протянутую руку У Цимина.

— Господин Мэй, вы как всегда скромны, — фальшиво пропел У Цимин. — Союз семей Мэй и Гу — событие года. Посмотрите только, какая чудесная пара.

— Мой супруг только оправился после болезни, лишний шум нам ни к чему, — ровным голосом ответил Мэй Цзибай. — Спасибо за беспокойство.

Гу Цин молчал, с трудом сдерживая ярость и липкий, подсознательный страх. События месячной давности были слишком свежи в памяти. У Цимин, заметив его молчание, перевел взгляд на него:

— Семейная жизнь явно идет вам на пользу, Маленький господин Гу. Вы... изменились со времени нашей последней встречи.

Услышав скрытую издевку, Гу Цин не выдержал. Он прищурился и выдал:

— Хоть это и брак по расчету, я искренне люблю Цзибая. Я обожал его с самого детства. Разве я мог позволить себе и дальше бездельничать, когда мне досталось такое сокровище? Ради любви я готов на всё. Когда по-настоящему любишь человека, меняться — одно удовольствие. У господина У столь... широкое сердце, что в нем годами умещается множество людей, так что мои скромные чувства вам, боюсь, не понять.

У Цимин опешил. Он явно не ожидал такого отпора. Гу Цин фактически ткнул его носом в наличие многочисленных любовниц, но сделать это пришлось при Мэй Цзобае, так что У

Цимину оставалось лишь выдавить кислую улыбку.

— Надо же. Господин Мэй столько лет был один, должно быть, он и впрямь очарован вами, раз согласился на этот брак. Впрочем, мужчинам не стоит забывать о карьере.

Гу Цин посмотрел на Мэй Цзибая, ожидая его реакции. Тот сохранял абсолютное спокойствие, но взгляд, скользнувший по Гу Цину, потеплел.

— Карьера важна, но жизнь без чувств пресна. Для меня Цинцин — тихая гавань и лучшее утешение.

Гу Цин чуть не поперхнулся. «Цинцин»? От этого обращения у него зубы заныли. Однако, заметив вытянувшееся лицо У Цимина, он решил дожать ситуацию. Одним выстрелом убить двух зайцев: умыть врага и заставить Мэй Цзибая потерять самообладание.

Он по-хозяйски обхватил руку мужа, прижавшись к его плечу, и лукаво улыбнулся:

— Ох, ну зачем ты так при всех, я же смущаюсь!

Мэй Цзибай, не дрогнув, обнял его за плечи, притягивая к себе. В глазах его промелькнула искра веселья.

— Тогда буду звать тебя так дома, хорошо?

Гу Цин на миг оцепенел, но, увидев шокированную мину У Цимина, решился на крайние меры. Он резко повернулся к мужу и, порывисто встав на цыпочки, поцеловал его прямо в губы.

Почувствовав, как Мэй Цзибай на мгновение замер, Гу Цин довольно сощурился и снова повернулся к У Цимину.

— Впрочем, неважно. Где бы мы ни были, любые слова из уст Цзибая для меня — сущий мед.

Решено. Отныне на публике он будет играть роль самого преданного фаната Мэй Цзибая. Он будет его главным обожателем, его тенью, его «маленьким безумцем». Мэй Цзибай хочет образцовый брак? Он его получит — в самом гротескном исполнении.